

ПАРТИЙНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В РОССИИ *на рубеже тысячелетий*

Юрий Коргунюк,
главный редактор бюллетеня «Партиформ»

ПАРТИЯ КАК ФОРМА ОРГАНИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИ АКТИВНОГО МЕНЬШИНСТВА

Партии – продукт весьма поздней эпохи. Появление их на политической сцене предполагает высокий уровень зрелости общественных отношений.

Любая форма организации политически активного меньшинства – это, используя термин Макса Вебера, «*волюнтаристический союз*». Составляющие такой союз индивиды объединяются не по принуждению и не по традиции, а *сознательно и целенаправленно*. Однако в силу неодинаковой социальной зрелости индивидов создаваемые ими объединения принимают различные формы: *клиентелы, иерархические структуры, гражданские союзы, клубы единомышленников*.

Низшую ступень занимают *клиентелы* («семьи», кланы). Их

образуют политически активные индивиды с минимальным уровнем социальности – попросту говоря, люмпены. Характерные примеры такого рода объединений – криминальные сообщества, феодальные кланы раннего средневековья. В отношениях внутри клана, а также между кланами господствует принцип «*сильный давит слабого*». Союзы подобного типа группируются вокруг вожаков (патронов), от произвола и благоволения которых зависит статус входящего в клиентелу индивида.

Иерархическая структура – несомненно, более развитый тип волюнтаристического союза. В-первых, взаимоотношения внутри иерархической структуры регулируются не произволом вожака, а законом (уставом), пусть даже этот закон продиктован сверху. Во-вторых, устройство иерархической структуры предполагает, что

каждый ее член в случае эффективного выполнения своих обязанностей имеет принципиальную возможность продвинуться с самой низкой ступени на самую верхнюю. Причем если в клиентелах критерием деления на низших и высших является близость к патрону, то в иерархических структурах отношения между разноуровневыми ступенями в существенной степени обезличены.

И клиентелы, и иерархические структуры объединяет то, что они интегрированы вертикально, то есть функционируют на основе безусловного подчинения низших высшим: клиентов – патрону, подчиненных – начальнику. В отличие от них *гражданские союзы* строятся по горизонтальному принципу. Их участники равноправны не только формально, но и фактически. Законы (уставы), которыми руководствуются гражд-

данские союзы, не спущены сверху, а выработаны сообща всеми членами союза – на договорной основе. Лидер гражданского союза – не патрон и не начальник, а первый среди равных. Его полномочия делегированы ему членами союза – для того, чтобы он представлял их интересы вне общины (со своими внутренними делами они справятся и сами).

Появление таких союзов кардинально меняет политическую организацию общества. Политика перестает быть полем деятельности только непосредственных ее фигурантов. Гражданские союзы, образуя в совокупности *гражданское общество*, участвуют в политике опосредованно – путем делегирования своих представителей. Оказываемое гражданским обществом давление на власть приводит к тому, что она перестает быть иерархическим монолитом и разделяется на три ветви, из которых лишь одна – исполнительная – сохраняет строгую иерархичность. Формирование и функционирование законодательной ветви власти осуществляется в строгом соответствии с принципом представительства, отсюда и ее второе название – представительная. Значительную роль принцип представительства играет и в формировании судебной власти, выполняющей среди прочего и функцию арбитра между исполнительной и законодательной ветвями.

Внедрение в политическую жизнь принципа представительства резко усиливает социальную роль буржуазии – наиболее активного класса гражданского общества. Для предпринимателей (в отличие, допустим, от чиновников) политика – отнюдь не основной род деятельности. Они участвуют в ней через своих представителей, но соответствующая структура политического устройства общества дает им возможность достаточно эффективно отстаивать свои интересы.

Если гражданские союзы занимают только корпоративными интересами, то *клубы единомышленников* ставят своей целью формулирование и защиту интересов общества в целом, в том числе и тех его слоев, которые не способны постоять за себя сами. Интересы общества в целом, в отличие от интересов частных и корпоративных, – это уже не просто список требований. Это система взглядов, проект общественного устройства, другими

словами, это идеология. Разработка идей и концепций – весьма специфическая область человеческой деятельности, и не удивительно поэтому, что основу клубов единомышленников составляет интеллигенция (считающая своим долгом разъяснять обществу, в чем состоят его подлинные интересы, независимо от того, просило ли ее об этом само общество). Отсюда и особенности внутреннего устройства клубов – здесь нет ни патронов и клиентов, ни сколько-нибудь ясной структурированности, ни даже делегирования полномочий, без чего невозможна система представительства. Неформальный лидер клуба единомышленников до того неформален, что его статус зачастую ничем не подчеркнут. Номинальный же председатель клуба, как правило, выполняет роль ведущего в бесконечных дискуссиях.

Что же касается *партий*, то данная форма организации политически активного меньшинства сочетает признаки всех перечисленных объединений.

Начнем с того, что любая партия претендует на формулирование интересов общества в целом и определяет себя как сообщество единомышленников. Но ее функции отнюдь не сводятся к разработке проекта общественного развития, идеологии. Цель партии – не выдвинуть идею, а воплотить ее в жизнь. Для этого нужно прийти к власти, и это предъявляет определенные требования к общественному статусу организации и ее внутреннему устройству.

Во-первых, она должна быть приспособлена к выполнению представительских функций, причем в отношении не только собственных членов, но и целых социальных классов. Во-вторых, это должна быть дееспособная структура с четкой внутренней иерархией – в противном случае ей вряд ли удастся грамотно распределить полномочия между своими подразделениями, а также обеспечить согласованность их действий. Наконец, редко какой партийный механизм способен эффективно работать, если роль его мотора не возьмет на себя инициативная группа, сплотившаяся вокруг яркого (харизматического в терминологии Макса Вебера) лидера. А следовательно, элементов клиентельности во внутрипартийной жизни не избежать. Подчер-

кнем – речь идет только об отдельных элементах, поскольку особенности партийного устройства накладывают на проявления патронально-клиентельных отношений ограничения сразу трех типов – иерархические, представительские, идеологические.

Следует оговорить, что оптимальное сочетание признаков всех четырех типов организации свойственно лишь узкому кругу партий, в основном тем, которые составляют костяк партийной системы. Кроме них существует еще масса организаций второго, третьего и десятого эшелона, которые также претендуют на право называться партиями, но на деле представляют собой либо клубы единомышленников, либо клиентелы, либо иерархические структуры, защищающие права только собственных членов, либо представительские организации, отстаивающие узкокорпоративные интересы. Однако любая из этих организаций будет мимикрировать под партию и имитировать наличие всех признаков партийной организации. Клиентелы будут представлять общественности обширные партийные программы, обосновывающие право своих лидеров на роль отца нации. Клубы единомышленников – выстраивать иерархию руководящих органов, пытаться доказать, что являются структурами, способными не только вести бесконечные дискуссии, но и выполнять конкретную партийную работу. Корпоративные организации будут выдавать себя за бескорыстных защитников интересов широких народных масс, а иерархические структуры – за ярых приверженцев принципа представительства как во внутреннем, так и в общественном устройстве.

ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОГО ПАРТСТРОИТЕЛЬСТВА

Исторически политические партии формировались двумя различными путями.

В странах с общественно-политическим устройством англо-американского образца, то есть с глубокими традициями самоуправления и гражданской самоорганизации, относительно слабой бюрократией и в значительной мере изжитым сословным делением, партии вырастали из представительских союзов. Это происхо-

дило по мере распространения избирательного права на все новые слои населения – вследствие необходимости доказывать благотворность тех или иных предлагаемых мер не только для политически активного меньшинства, но и для общества в целом.

В странах континентальной Европы – с разветвленным и централизованным государственным аппаратом, предполагающим доминирование бюрократии в жизни общества, с сохраняющимися сословными перегородками, относительно малоразвитыми традициями самоуправления и минимальным участием в политике союзов договорно-гражданского типа – значительную роль в процессе партиобразования играли клубы единомышленников, сформировавшиеся вокруг той или иной идеи общественного переустройства. В партии эти клубы превращались в том случае, если из чисто интеллигентских образований им удавалось трансформироваться в организации, представлявшие интересы других политически активных классов. В союзе с представителями буржуазии эти клубы образовывали либеральные партии, в союзе с представителями чиновничества и сословной аристократии – партии консервативно-элитарной ориентации, в союзе с выходцами из «низших классов», пришедшими в политику на волне рабочего и профсоюзного движения, – социалистические или социал-демократические организации.

При этом чем более отсталой с точки зрения развития основ гражданского общества была та или иная страна, тем большую роль в становлении партий играли интеллигентские кружки и клубы. Так, в дореволюционной России именно они дали начало всем наиболее дееспособным партиям – тем более что до 1905 г. сколько-нибудь влиятельных представительских организаций в стране попросту не существовало. Появление представительной власти, а затем и крушение в 1917 г. монархии – в немалой степени заслуга интеллигентской общественности и созданных при ее участии партий. Во вспыхнувшей после этого острой конкурен-

тной борьбе победила партия, которая наиболее адекватно учла особенности общественного устройства тогдашней России – крестьянский характер страны, низкий жизненный уровень неграмотного в своей массе населения, неразвитость гражданских отношений, преобладание в самых широких слоях общества патронально-клиентельных связей и пр. Эта партия – партия большевиков – изначально делала ставку на выходцев из рабочего класса. Учитывая близость менталитета рабочего к менталитету чиновника, она формировала себя по образцу не представительской организации, а иерархической

*За десятилетия существования
однопартийная диктатура сделала все,
чтобы в принципе исключить
возможность появления самого опасного
своего оппонента – гражданского
общества.*

структуры. Это позволило большевикам, во-первых, добиться большей управляемости, а следовательно, и эффективности своей организации в условиях вооруженного противостояния с политическими конкурентами, а во-вторых, обеспечить себе не просто широкую, но и постоянно растущую социальную базу – благо индустриализация и урбанизация бесперебойно поставляли ВКП(б) все новых и новых бойцов, готовых беспрекословно выполнять спускаемые сверху указания.

За десятилетия существования однопартийная диктатура сделала все, чтобы в принципе исключить возможность появления самого опасного своего оппонента – гражданского общества. Были уничтожены целые классы, способные составить его костяк, прежде всего, буржуазия. Вся ткань общественного организма пронизывали иерархические отношения – практически любой взрослый человек в стране был или начальником или подчиненным, а очень часто и тем и другим одновременно. Под корень были изведены все элементы самоуправления, существовавшие в дореволюционном российском обществе. И тем не менее созданная большевика-

ми политическая система изначально несла в себе зародыш будущего краха.

Прежде всего, чтобы сохранить устойчивость, любая иерархическая структура должна руководствоваться уставом, а не произволом верховного начальника. К тому же этот устав должен предоставлять каждому члену системы определенный набор неотъемлемых прав. Нарушение этих условий превращает иерархическую структуру в гигантскую клиентелу и неминуемо ведет ее к саморазрушению, отсрочить которое может лишь непрерывный приток в нижние этажи иерархической вертикали все

новых и новых членов. Как только он иссякает, продолжение прежней политики становится невозможным. Чтобы избежать саморазрушения, иерархическая структура ограничивает возможность произвола со стороны первого лица, гарантирует каждому своему члену набор неотъем-

лемых прав, и это становится первым шагом на пути к превращению системы в корпорацию, каждая ступень которой начинает энергично отстаивать собственные интересы. В итоге ротация внутри иерархической структуры замедляется, и на ее периферии образуется достаточно обширный слой людей, недовольных монополизацией властных рычагов в руках одной или нескольких узких групп, а проще говоря – кланов. Этот слой внутренне готов к преобразованию системы на представительских началах. Именно такого рода ситуация, по сути дела, и имела место в чиновничьем сообществе позднесоветского периода.

Не надо также забывать, что, уничтожив целые классы и сословия, однопартийная диктатура при всем желании не могла стереть с лица земли интеллигенцию. Последняя была необходима хотя бы в силу чисто технических причин. Правда, интеллигенцию, как и все остальное общество, можно было подвергнуть селекции: одну ее часть увлечь грандиозными планами, другую, неисправимую, – ликвидировать, третью – затерроризировать. Но социальная природа интеллигенции такова, что,

когда увлечение проходит, а репрессии ослабевают, в ней неотвратно прорастает инакомыслие, являющееся свойством всякой мысли вообще. Рано или поздно это приводит к появлению определенных организационных форм — уже упоминавшихся клубов единомышленников, неформальный характер которых делает борьбу с ними невозможной никаким другим способом, кроме репрессий против составляющих их индивидов.

Именно из таких клубов на рубеже 80-90-х годов выросла современная российская многопартийность, в начале своего становления носившая по преимуществу интеллигентский характер. Отсюда и узость членской базы возникших тогда демократических партий и движений, и их организационная рыхлость, и фактическое отсутствие у них профессионального аппарата. Но отсюда же и бескорыстный энтузиазм, и готовность идти «в народ», работать не «за интерес», а «за идею». И следует отметить, что в тот период КПД этих абсолютно «непрофессиональных» организаций оказался куда более высоким, чем у противостоявшего им аппарата КПСС. Не говоря уж о митингах, собиравших до 100 тыс. человек, стоит вспомнить хотя бы о триумфально проведенных демократами избирательных кампаниях — сторонникам «ДемРоссии» досталась почти треть мест на Съезде народных депутатов РСФСР, а Советы ряда крупных городов почти целиком состояли из демократов.

Несмотря на это, демократам все равно было бы не под силу лишить аппарат КПСС реальной власти, если бы господствующий класс советского общества — чиновничество — не оказался внутренне расколотым, а его значительная часть не мечтала об освобождении от навязчивой партийной опеки. Именно союз с этой частью бюрократии и позволил демократам сначала получить большинство на Съезде народных депутатов РСФСР, затем сделать своего представителя первым Президентом России, а в августе 1991 г. выиграть лобовое столкновение с взбунтовавшейся частью партийной номенклатуры. Однако цена, которую интеллигенции пришлось заплатить за этот союз,

оказалась весьма и весьма высока. Во-первых, ведущую роль в нем играли представители отнюдь не интеллигентской общности, а новой российской бюрократии во главе с Б.Ельциным. (Поэтому и политическая борьба приняла форму противостояния не различных партий, а различных государственных структур — союзных и российских. Поэтому и плоды августовской победы достались в первую очередь «новой бюрократии».) А во-вторых, крах КПСС сделал ненужным и существование демдвижения — во всяком случае в тех организационных формах, которые сложились на рубеже 80-90-х годов. Новые условия требовали от участников политической жизни более зрелых форм организации, нежели клубы единомышленников, но собственными силами интеллигенция ничего иного создать не могла. Это и обусловило быстро прогрессирующий кризис демдвижения, который начался осенью 1991 г. и продолжается фактически до сих пор.

Уход КПСС с политической сцены оставил не у дел обширный слой работников партийного аппарата. Кто-то из них смог приспособиться к новым условиям — занялся бизнесом, устроился на службу в новые госструктуры и т.п. Но очень многие ничего другого, кроме ведения «организационной работы», не умели. Они-то и составили актив созданных после августа 1991 г. политических партий самого широкого спектра — от социал-демократических и социал-патриотических до ортодоксально-коммунистических. Наиболее значительная часть бывших партийных работников в конце концов осела в Коммунистической партии РФ, чья идеология и организационное устройство наиболее удачно сочетали в себе как ностальгию по «золотому веку», так и стремление встроиться в новую систему.

Идеология КПрФ оказалась далека от марксистско-ленинской ортодоксии: приняв во внимание широкое разочарование масс в социалистическом учении и стремясь ревизовать последнее в духе государственнического патернализма, она приобрела достаточно эклектический характер, сделавшись скорее социал-патриотической, нежели коммунистической. По своему организаци-

онному устройству Компартия РФ, как и ее исторические предшественники, представляла собой типичную иерархическую структуру. Ее верхние эшелоны по-прежнему были фактически несменяемыми, а средние обновляли состав преимущественно под контролем сверху. Однако руководство КПрФ оказалось вынуждено гораздо более чутко прислушиваться к настроениям партийной массы и остерегаться прямого административного вмешательства в дела низовых организаций.

С середины 90-х годов собственные политические организации, так называемые «партии власти», начал создавать и правящий слой российской бюрократии. В общем-то никакой нужды в таких организациях данная часть российского чиновничества не испытывала. Она и без того была прекрасно организована, а кроме того — уже находилась у власти. Стимулом к партистроительству послужило для нее новое предвыборное законодательство, согласно которому половина депутатского корпуса нижней палаты парламента избиралась по партийным спискам. Появившиеся в результате образования представляли собой совокупность клиентел, верхушки которых объединялись вокруг центральной исполнительной власти по иерархическому принципу.

По клиентельному принципу строились и вышедшие в тот период на политическую сцену люмпенские партии — прежде всего Либерально-демократическая партия России В.Жириновского и Российская народно-республиканская партия А.Лебеда. Своим приходом в «большую политику» они также были обязаны новому избирательному закону — если бы не выборы по партийным спискам, ЛДПР и мечтать не смела бы о том триумфальном успехе, какой ждал ее на первых думских выборах в декабре 1993 года. (С РНРП история посложнее, но она создавалась в конце 1996 — начале 1997 г. с тем же расчетом — на будущие парламентские выборы.) Как и все прочие политические организации, эти партии имели собственные программы и вполне соответствующие законодательству уставы, однако ни для кого не оставляло секрета, с чем в данном случае приходится иметь дело — с сильно разросши-

мися «семьями» вождей, по произволу которых и решались все партийные дела.

В течение 90-х годов появилась и масса других политических организаций, не имевших никаких шансов пробиться в первый эшелон. В подавляющем большинстве это были клиентелы, лишь изредка разбавленные либо иерархически, либо, наоборот, клубными отношениями. Однако основной тон политической игре задавали две силы: бюрократия партийно-советского образца, объединенная в рамках КПРФ, и правящий слой чиновничества, сконцентрировавшийся в своих руках основные рычаги управления страной, — именно этот слой, а не создаваемые им в прикладных целях клиентелы, и следует именовать «партией власти». Причем когда «партия власти» сама выходила на решающий бой (как это было на президентских выборах 1996 г.), она его выигрывала, когда же высылала вместо себя свою клиентелу (парламентские выборы 1995 г.; деятельность Госдумы второго созыва), то, напротив, терпела поражение.

Ухудшение экономической ситуации и падение жизненного уровня населения играли явно не на руку «партии власти». Ее позиции постепенно ослабевали, а августовский кризис 1998 г. вообще выбил ее из колеи, расколов на две части — федеральную и региональную. На парламентских выборах 1999 г. они выступали разными колоннами, конфликтуя больше друг с другом, нежели со своими давними оппонентами из КПРФ. В случае продолжения прежних тенденций в социально-экономической жизни страны это неминуемо привело бы к поражению правящего слоя бюрократии в целом.

Однако в течение 1999 г. ситуация существенно изменилась. Экономический спад сменился ростом, а социальная напряженность — стабилизацией. Вкупе с появлением у руля страны нового лидера («преемника») это дало неожиданный эффект. Избирательный блок «Медведь» — клиентела центральной «партии власти» — пришел к финишу практически ноздря в ноздю с КПРФ, а вместе с результатом, полученным коалицией региональных клиентел — блоком «Отечество — Вся Россия», преимуще-

ство правящего слоя бюрократии над Компартией РФ оказалось весьма существенным. Заметно изменили общую ситуацию и результаты, полученные прочими участниками избирательной кампании. Либеральная интеллигенция в лице «Союза правых сил» и «Яблока» несколько укрепила свои позиции в парламенте, люмпены же («Блок Жириновского»), напротив, существенно их сдали. Таким образом, в 2000 год российская многопартийность вступила в совершенно новых политических условиях.

КОНТУРЫ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ В РОССИИ

Одним из важнейших итогов парламентских выборов 1999 г. следует признать то, что они, хотя и приблизительно, наметили контуры будущей партийной системы. Пока, конечно, трудно судить, какие именно организации составят костяк этой системы, кому выпадет честь первым выполнять роль правящей партии, а кому — оппозиции и т.п. Но уже сейчас ясно, кому вряд ли суждено встроиться в партийную систему — тем, кто на выборах 1999 г. не преодолел пятипроцентный барьер.

Кроме того, вполне ясно обозначились идейное лицо и социальная база тех объединений, которые в дальнейшем будут претендовать на статус правящей партии или основной оппозиционной силы. Уже сейчас можно констатировать, что основная борьба развернется между либералами (в Госдуме третьего созыва это фракции СПС и «Яблоко»), «партией власти» (фракции «Единство» и ОВР, а также группы «Народный депутат» и «Регионы России») и социал-патриотами (КПРФ и ее сателлиты). ЛДПР из этого перечня можно смело исключить. Даже если на следующих парламентских выборах она преодолеет пятипроцентный барьер, претендовать на роль ведущей политической силы ей все равно не под силу — это не удавалось ей даже в Госдуме первого созыва, где ее позиции были наиболее впечатляющими.

С точки зрения социального представительства расстановка сил будет выглядеть следующим

образом: на одном фланге — интеллигенция и постепенно заменяющая ее в роли основного апологета либеральных ценностей буржуазия; на другом — бюрократия партийно-советского образца, с большим трудом, но все же приспособливающаяся к новым реалиям; посередине — правящий слой чиновничества, наиболее комфортно чувствующий себя именно в нынешних условиях — так называемого «номенклатурного капитализма».

Исход борьбы между этими тремя конкурирующими силами не в последнюю очередь будет зависеть от их успехов на ниве партстроительства, от того, насколько зрелыми окажутся те организационные формы, в которые им удастся сплотить своих сторонников.

Рассмотрим с этой точки зрения ситуацию на каждом из флангов.

Либералы

Начавшийся осенью 1991 г. кризис демократического (либерального) движения проявился не только в измельчании и исчезновении партий и движений соответствующей части политического спектра, но и в глубинном расколе интеллигенции по вопросу об отношении к новой российской власти.

Как уже говорилось, устранение с политической сцены КПСС стало возможным только благодаря союзу демократической интеллигенции с новой российской бюрократией. Причем вышло так, что плоды одержанной победы, то есть «пирог и пышки», достались «новому чиновничеству», а на долю интеллигенции выпали только «синяки и шишки». Между августом

1991 г. и сентябрем 1993 г. интеллигенция вновь оказалась перед дилеммой: вмешаться ли в борьбу между двумя отрядами чиновничества — сгруппировавшимся соответственно вокруг исполнительной

вертикали и системы Советов, – взяв сторону первой, или принципиально умыть руки. На этот раз вопрос был решен отнюдь не так однозначно, как в 1990 году. Демократы раскололись практически поровну: часть из них посчитала невозможным оставаться в стороне, другая выступила против «участия в грязных играх». Так в российском демократическом (либеральном) движении возникли две линии: «линия Гайдара» («Выбора России», «Демократического выбора России», «Правого дела», Союза правых сил) и «линия Явлинского» («Яблока»).

По сути, спор шел вокруг ответа на вопрос: что делать, когда экономика страны нуждается в кардинальном реформировании, но социальная база либеральных реформ крайне слаба. Сторонники «линии Гайдара» фактически предлагали пожертвовать собственным рейтингом и вступить в сотрудничество с властью – чтобы, хотя и непоследовательно, черепашьими шагами, но все-таки проводить реформы в жизнь. Сторонники «линии Явлинского», напротив, полагали, что из тактических соображений удобнее уйти в оппозицию и ждать полной дискредитации правящего слоя бюрократии, с тем чтобы потом, на волне народного негодования, вернуться во власть. На закономерный вопрос – а не будет ли упущено время, не зачахнут ли к тому моменту слабые ростки реформы – «явлинцами» был быстро найден ответ: то, что делается сейчас, не имеет ничего общего с либеральной реформой, а есть не что иное, как построение «коррупцированной, олигархической системы». Соответственно, в адрес «гайдаровцев» автоматически выдвигалось обвинение в том, что они не просто участвовали в создании этой системы, но и явились ее вдохновителями и конструкторами.

В условиях продолжавшегося экономического спада казалось, что успех в большей степени сопутствует последователям «линии Явлинского». Так, на парламентских выборах 1995 г. они смогли преодолеть пятипроцентный барьер и сформировать в Госдуме второго созыва парламентскую фракцию, тогда как их коллеги-конкуренты из «Демократического выбора России» потерпели сокрушительную неудачу. Но по итогам выборов 1999 г. выясни-

лось, что подобные выводы преждевременны. Приверженцы «линии Гайдара» убедительно опровергли слухи о своей политической кончине, «Яблоко» же оказалось запертым в собственном электоральном гетто, так и не сумев выйти за пределы традиционных 6-7%. Сама жизнь доказала невозможность делать ставку одновременно и на

либерального избирателя, и на рост недовольства в обществе. Протестный, то есть люмпенизированный, электорат свои беды и невзгоды связывал не столько с властью, сколько с самой идеей либеральных преобразований. Подлинной же электоральной базой либералов оказался не протестующий интеллигент (как это было на рубеже 80-90-х годов), а вполне довольный жизнью буржуазный обыватель, добившийся успеха благодаря собственной предприимчивости.

Осознание этого факта во многом сгладило пропасть между сторонниками двух линий. После того, как поведение «Яблока» в Госдуме перестало носить демонстративно-протестный характер, оказалось, что других препятствий для сотрудничества с «правыми» у него нет. Более того, представителями обоих объединений довольно быстро была признана желательность совместного выступления на следующих думских выборах, даже был поставлен вопрос о создании единой организации – особенно актуальный в свете перспективы принятия нового закона о политических партиях. Впрочем, продекларированное летом 2000 г. стремление к сближению быстро натолкнулось на препоны организационного свойства.

Дело в том, что с точки зрения организационного устройства «Яблоко» – это ассоциация региональных интеллигентских клубов, верхушка которой сформирована не столько по представительскому, сколько по клиен-

тельному принципу. А отличительной особенностью любой клиентелы является то, что она *абсолютно нереформируема*. Поэтому организационное слияние СПС и «Яблока» станет возможным только в одном случае – если последнее перестанет быть клиентелой Г.Явлинского. А такая перспектива не представляется

сколько-нибудь реальной. Значит, остается только один путь – явочное вступление региональных отделений «Яблока» в СПС. Тенденция к этому дала о себе знать уже летом 2000 г., когда в ряде регионов активное участие в создании отделений Союза правых сил приняли «яблочные»

структуры. Однако руководству «Яблока» очень быстро удалось застопорить этот процесс, и теперь для того, чтобы он возобновился, требуется очень весомый стимул.

В серьезной внутренней перестройке нуждается и Союз правых сил. В организационном плане СПС – это ассоциация интеллигентских клубов и клиентел отдельных лидеров, лишь верхушечно объединенных по представительскому принципу. Только один из коллективных членов СПС – «Демократический выбор России» – являет собой нечто, более или менее похожее на партию: его руководящие органы также сформированы по принципу представительства. Чтобы стать дееспособной структурой, «правые» должны сделать все возможное для того, чтобы подчинить принципу представительства всю деятельность СПС – как внутреннюю, так и внешнюю. Какой толк от того, что в руководстве организации представлены те или иные интеллигентские клубы, если они не представляют никого, кроме собственных членов? Союзу правых сил жизненно важно опереться на структуры гражданского общества, в первую очередь – на корпоративные объединения предпринимателей.

Собственно, одной из причин успеха СПС на парламентских выборах 1999 г. было то, что по своей социальной природе он являлся союзом буржуазной интеллигенции и интеллигентной

буржуазии. А в том, что успех этот оказался достаточно скромным, не последнюю роль сыграло отсутствие сплоченности среди отечественных предпринимателей. Российская буржуазия не повзрослела еще даже до корпоративного объединения. Конечно же, существует масса предпринимательских организаций, но это большей частью клановые, «семейные», нежели представительские союзы. Первым шагом к корпоративному объединению российской буржуазии в общенациональном масштабе можно считать вхождение тридцати «капитанов отечественного бизнеса» в Российский союз промышленников и предпринимателей (работодателей) и формирование ими нового руководящего органа РСПП – Бюро Правления. Это можно считать признаком того, что предприниматели осознали, наконец, что пора от обделывания личных дел в чиновничьих кабинетах переходить к согласованной выработке общих для всех правил игры. Следующим шагом российской буржуазии на пути отстаивания собственных классовых интересов должно стать осознание необходимости самостоятельного выступления на парламентских выборах. Вот тогда и возникнет нужда в адвокате, способном квалифицированно отстаивать ее интересы в стенах парламента. Понятно, что на эту роль не годится ни клиентела, прилепившаяся к правящему слою бюрократии или обслуживающая исключительно собственного лидера, ни иерархическая структура, защищающая интересы только своих членов.

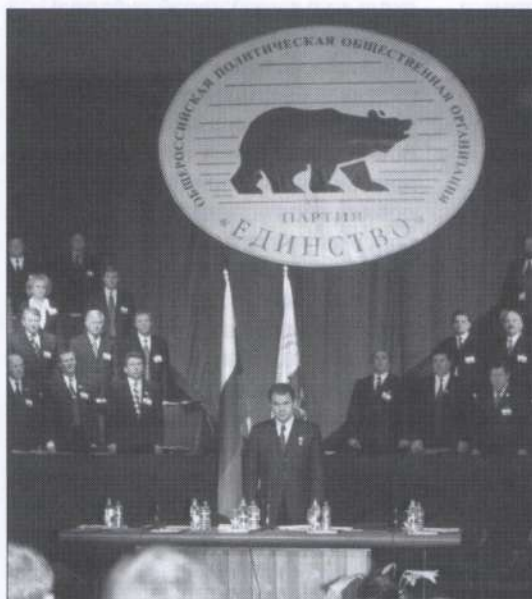
Но и Союзу правых сил, прежде чем предлагать себя в качестве такого адвоката, необходимо навести порядок в собственных рядах, в том числе избавиться от случайных попутчиков и определить статус каждого своего участника исходя из того, насколько влиятельные силы он представляет.

«Партия власти» («номенклатурный центр»)

К настоящему времени сколь угодно значимыми величинами в этой части политического спектра остались только две организации – «Единство» и лужковское «Отечество». Вопреки мнению многих аналитиков, их дальнейшая политическая судьба просматривается довольно ясно.

Начать с того, что и то и другое – типичные клиентелы. Если в случае

с «Отечеством» это совершенно очевидно, то клиентельная сущность «Единства» несколько закамуфлирована. Реальный лидер «Единства» – В.Путин – формально никакого отношения к партии не имеет, зато ее номинальный лидер – С.Шойгу – фигура абсолютно не того масштаба, чтобы владеть такой обширной клиентелой. Отсюда впечатление, что «Единство» – скорее иерархическая структура. Но это только на первый взгляд. На самом деле по иерархическому принципу организованы отношения лишь между входящими в «Единство» губернаторами и В.Путиным. Взаимоотношения же региональных отделений и центральных органов партии иерархичности лишены. И первые, и вторые существуют лишь постольку, поскольку «Единство» пользуется репутацией организации, находящейся под прямым патронажем Президента РФ. С потерей этой репутации судьба движения «Наш дом – Россия» ему гарантирована.

Будучи клиентелами, и «Единство», и «Отечество» неререформируемы. Стать иерархическими структурами они не смогут (если только, подобно ВКП(б), не превратятся в часть государственного аппарата), трансформироваться же в представительские союзы они неспособны хотя бы потому, что клиенты по определению не могут быть представителями патрона – подобно тому, как марионетки не являются представителями кукловода, а просто повинуются движению рук последнего.

Нереформируемость партий-клиентел обуславливает их недолговечность. В подавляющем большинстве случаев клиентела вещь «одноразовая» – создается к конкретным выборам и впоследствии выбрасывается на свалку. Так было, в частности, с Партией российского единства и согласия, с НДР, с блоком «Отечество – Вся Россия», представлявшим собой ассоциацию региональных клиентел. Конечно, успех «Единства» на парламентских выборах 1999 г. вроде бы позволяет ему надеяться на более долгую жизнь, но только при одном условии: если у реальной «партии власти» не возникнет сомнений в его перспективности. Если та вдруг усомнится, «Единство» исчезнет с политической сцены так же молниеносно, как и появилось. Но даже если оно и примет участие в следующих парламентских выборах, то чтобы гарантировать себе дальнейшее существование, ему нужно будет не просто закрепить успех 1999 г., но и заметно развить его. Иначе

«топтанье на месте» будет воспринято как признак исчерпанности электорального ресурса. И тогда – прозябание в Думе в статусе «второго НДР», а к новым выборам – фактический роспуск, чтобы освободить место для очередной клиентелы.

Что касается «Отечества», то его политическое будущее зависит от того, пойдет или не пойдет «партия власти» на роспуск «Единства» и формирование структуры ему на смену. Если пойдет, у «Отечества» будут все шансы влиться в новую организацию (недаром на сайте

ОПООО тщательнейшим образом отслеживаются публикации, речь в которых идет об «одноразовости» «Единства», – такое впечатление, что лужковцы изо всех сил пытаются донести до Администрации Президента РФ крик своей души: «Они никуда не годятся! Возьмите нас!»). В противном случае шансов не останется никаких, и в поисках союзников придется идти на поклон или к «правым», или к коммунистам. Первое – унижительно, второе – еще и бессмысленно, поскольку в нынешнем своем положении КПРФ ни к каким союзам не готова.

Вообще, само по себе существование феномена «партии власти», благодаря чему только и стало возможным появление на политической сцене образований типа ПРЕС, НДР, «Отечества», «Единства», связано с весьма специфическими условиями, а именно – необходимостью для власти выполнять роль одновременно и основного субъекта либеральной экономической реформы, и главного защитника тех социальных слоев, которые не способны самостоятельно вписаться в новые реалии. Такое раздвоение, в свою очередь, обусловлено незрелостью класса предпринимателей и, как следствие, отсутствием мощной буржуазной партии, которая избавила бы государство от непосильной для него ноши демиурга рыночных отношений. Как только такая партия появится, она существенно потеснит бюрократию с тех позиций, которые последняя заняла вследствие возникшего в обществе вакуума. И тогда влияние чиновничества в политической жизни уже не будет казаться таким всеохватным, к тому же выяснится, что у госслужащих накопилась масса неотложных дел, о которых они совсем уж было позабыли в горячке непрерывной борьбы за передел власти и собственности.

Ослабление же позиций бюрократии в публичной политике сделает невозможным и существование клиентел, подобных «Единству», «Отечеству» и пр. Как только юристы перестанут опасаться обращать внимание на очевидный факт – на то, что возникновение и функционирование такого рода организаций возможно исключительно благодаря незаконному использованию чиновничеством так называемого «административного

ресурса», – эти псевдопартии, будучи предоставлены самим себе, попросту рассыплются, а их члены будут вынуждены искать работу в другом месте (хотя, если принять во внимание непригодность многих из них ни к какому другому делу, кроме «партийной работы»,

следует ожидать их появления прежде всего в сохранившихся партийных структурах).

КПРФ

Принято считать, что в современной России только одна политическая организация – КПРФ – обладает всеми признаками полноценной партии: собственной идеологией, солидной численностью, разветвленной сетью региональных отделений и т.п. Вместе с тем мало кто решается хоть сколько-нибудь оценить шансы КПРФ остаться такой же серьезной силой и в дальнейшем. При этом, как правило, ссылаются на весьма высокий средний возраст членского состава Компартии и неопределенность ее перспектив в плане омоложения. Без сомнения, данная проблема актуальна, но сама по себе она есть следствие более фундаментальной проблемы, ставящей под вопрос будущее КПРФ как политической партии.

Дело в том, что, будучи иерархической структурой, КПРФ не способна преобразоваться в представительский союз. Основная масса ее контингента – вчерашние члены парткомов, профкомов, месткомов и прочих -комов, смыслом жизни которых было участие в бесконечных собраниях, заседаниях и прочих мероприятиях, то есть в так называемой «общественной работе», имитирующей бурную деятельность, а по сути – сводившейся к исполнению спускаемых сверху инструкций. Ничего другого члены КПРФ просто не умеют. Они не способны представлять чьи-то интересы, они способны только выполнять указания. В этом сила Компартии РФ как иерархической структуры, в этом же – слабость ее перспектив по части преобразования в представительскую организацию.

В иерархических структурах полномочия делегируются не снизу

вверх, а наоборот – сверху вниз. Чем безукоризненнее выдерживается этот принцип, то есть чем большей формальностью остаются выборы руководящих органов, тем дееспособнее иерархическая структура. Но именно это замыкает партии типа КПРФ в довольно специфические социальные рамки, ограничивая круг партийных активистов людьми, предпочитающими передавать решение всех сколько-нибудь важных вопросов на усмотрение вышестоящих инстанций. Да, в настоящее время круг таких людей достаточно широк – отсюда и солидная численность, и разветвленность структур Компартии. Обширен и электорат КПРФ, включающий в себя те слои населения, которые привыкли, что за них все решает начальство – начиная с устройства на работу и заканчивая организацией отдыха детей. Тоталитарное государство потратило немало сил, чтобы подменить собой все формы общественной самоорганизации, и после его ухода в небытие огромные массы людей почувствовали себя сиротами. Лишившись привычной опеки сверху, обеспечивавшей им весь комплекс необходимых общественных связей, и будучи неспособными воспроизвести эти связи самостоятельно, они в ностальгии голосуют за коммунистов, надеясь тем самым вернуть прежний порядок вещей.

Однако время берет свое. На смену старым способам воспроизводства общественных связей постепенно приходят новые, основанные на принципах гражданской самоорганизации и представительства. Но именно их коммунисты освоить-то и не могут – хотя бы потому, что эти принципы находятся в непримиримом противоречии с принципами функционирования иерархических структур. Последним же попытки сочетать несочетаемое не несут ничего, кроме упадка и разложения.

Слабым местом КПРФ является также то, что, имея своей социальной и электоральной базой людей, нуждающихся не в представителях, а в опекунах, сама она к этой роли приспособлена мало. Это и неудивительно, если учесть, что КПРФ – партия «третьих секретарей обкомов», которые никогда не имели шансов выбиться в первые. Поэтому и в нынешних условиях Компартия РФ вновь и вновь терпит

поражение в борьбе за право покровительствовать «униженным и оскорбленным», уступая правящему слою бюрократии, в немалой своей части состоящему как раз из вчерашних первых и вторых секретарей. Люди, ждущие от власти не представительства своих интересов, а покровительства, в конце концов отдадут предпочтение тому, у кого это лучше получается. Этим, в частности, и объясняются электоральные успехи сначала «Медведя», а затем и В.Путина в регионах так называемого «красного пояса».

Конечно, на парламентских выборах 1999 г. Компартия РФ сохранила и даже немного улучшила свои позиции, но произошло это исключительно путем отъема голосов у объединений, находящихся в одном с нею сегменте политического спектра. Избирательная кампания 2003 г. будет для коммунистов решающей. Если власть сможет добиться существенного повышения жизненного уровня населения, КПРФ рискует потерять значительную часть своего электората. А это, в свою очередь, поставит под удар и единство ее рядов. Загонявшиеся до поры вглубь разногласия в руководстве партии – как идейного, так и личного характера – выплеснутся наружу, а это уже чревато расколом, причем таким, из которого каждая сторона выйдет в существенно ослабленном состоянии. При этом, скорее всего, «ортодоксы» сохранят численность, но утратят политическое влияние, а «реформаторы» потеряют и то, и другое.

Ярким примером того, как при наличии серьезных структур можно не иметь никакого политического

влияния, является Московская городская организация КПРФ. Ее декларируемая численность – 22 тыс. членов, больше, чем у СПС и «Яблока» по всей стране вместе взятых. Однако на счету у МГО КПРФ никаких электоральных побед. В Москве коммунистам ни разу не удавалось провести своих депутатов ни

в Госдуму, ни в Мосгордуму.

Что же касается любых попыток реформировать КПРФ (если таковые будут иметь место в будущем), то их провал, на наш взгляд, запрограммирован отсутствием у коммунистов возможности обзавестись иной социальной базой, нежели та, которая у них есть сейчас и которую составляют люди с менталитетом чиновников (служащих), привыкших подчиняться строгой субординации. Выйти за рамки этого круга – значит, перестать быть коммунистами. Впрочем, основная часть руководства КПРФ готова к этому хоть сейчас. Но тогда встает вопрос, на кого им в этом случае опираться?

Традиционно политический вес левых (коммунистических, социалистических, социал-демократических) партий на Западе обеспечивался поддержкой со стороны мощного рабочего и профсоюзного движения. Но в России такового в настоящее время нет*, и большой вопрос – появится ли оно вообще. Мощное профсоюзное и рабочее движение возникает обычно в условиях серьезного ограничения избирательного права имущественным цензом, а также отсутствия трудового и социального законодательства. В современной России в наличии как всеобщее избирательное право, так и развитое трудовое и социальное законодательство, причем развитое настолько, что его эффективное функционирование в силах обеспечить только куда более благополучная страна.

Но даже если, допустим, в России каким-то образом возникнут мощные профсоюзы, вовсе не факт, что они станут опорой левых партий. Времена, когда на волне

рабочего движения к власти приходила «рабоче-крестьянская» бюрократия, давно в прошлом. В последние десятилетия независимое рабочее движение в странах Восточной Европы было скорее антибюрократическим, нежели антибуржуазным. Показательный пример – польская «Солидарность», руками которой рабочий класс Польши позиционировал себя как класс буржуазного общества, отряхнув со своих ног прах общества тоталитарно-бюрократического. Если профсоюзное и рабочее движение в России и разовьется, то вероятнее всего будет носить ярко выраженный корпоративный и подчеркнутую неполитический характер. Борьбаться против частных владельцев, чтобы посадить себе на шею парткомы или профсоюзное начальство, никто больше не хочет.

Так что вопрос о социальной базе будущего левого движения остается открытым, и крайне сомнительно, чтобы КПРФ оказалась первой, кто даст на него более или менее осмысленный ответ.

Заключение

Если взглянуть на современную российскую многопартийность с организационной точки зрения, следует признать, что ни одно из нынешних политических объединений не обладает признаками представительского союза в той степени, в какой это необходимо для полноценной политической партии. И, пожалуй, именно в этом, а отнюдь не в малой численности или недостатке региональных отделений, наиболее отчетливо дает о себе знать неразвитость отечественной партийной жизни. Российские партии не столько представляют интересы, сколько выражают настроения различных социальных слоев. Да им, по сути, и некого представлять – между ними и избирателями нет мощного пласта гражданских (представительских) союзов, и пока таковой не сформируется, вряд ли стоит ожидать появления сильных политических партий, а значит, и полноценной партийной системы.

На данный момент наиболее близко к обретению облика представительского союза, вопреки общепринятому мнению, подошла организация не из левого, а из правого сегмента политического

*Внутренняя численность Федерации независимых профсоюзов России объясняется тем, что, согласно до сих пор действующему КЗоТ, официальным профсоюзам предоставлены значительные полномочия по распределению средств Фонда социального страхования, включая выдачу льготных путевок, оплату больничных листов и т.п.

спектра – Союз правых сил. Есть шансы, что именно СПС сможет в будущем адекватно представлять интересы той части общества, фундамент благополучия которой составляют собственность и инициатива, то есть *тех, кто платит*, или, другими словами, буржуазии. Что же касается партии, представляющей интересы *тех, кому платят*, то есть живущих на зарплату, пособие или пенсию, то крайне сомнительно, что она может быть создана на основе какой-либо из уже существующих организаций – как из левой части спектра, так и из его центра. Как уже отмечалось, все они являют собой либо клиентелы, либо иерархические структуры и поэтому в принципе неспособны трансформироваться в представительские союзы. Пока трудно судить, кто придет им на смену. Скорее всего, организационно оформлять левый фланг политического спектра будут совершенно новые люди, хотя не исключено, что какую-то их часть составят выходцы с нынешнего правого фланга, весьма неоднородного как в социальном, так и в идейном отношении.

В свете сказанного не лишне было бы проанализировать, насколько предложенный Центризбиркомом РФ проект закона о партиях способствует выработке нынешними политическими объединениями черт представительских союзов. И существует ли в принципе необходимость в его принятии – как известно, многие страны развитой демократии прекрасно обходятся без подобных законодательных актов.

На наш взгляд, ни одно из содержащихся в данном законопроекте нововведений ни в малейшей степени не побуждает политические организации к преобразованию в представительские союзы. Некоторые же из его норм с этой точки зрения вообще более вредны, нежели полезны.

Скажем, положение, допускающее к участию в выборах только партии и исключающее из избирательного процесса движения и блоки, по большому счету, лишено смысла. Юридический статус той или иной организации не имеет никакого отношения к вопросу о том, представляет ли она чьи-либо интересы, кроме интересов собственного лидера и его ближайшего окружения. Так, ЛДПР в юридическом плане – самая что ни на есть настоящая партия, хотя с точки зрения представительства

это типичная клиентела. И любые попытки регламентировать порядок формирования ее руководящих органов ничего изменить не могут. Даже если закон предпишет избирать партийное руководство только тайным голосованием, неужели это помешает вождю и его ближайшему окружению добиться нужных им результатов?

Весьма сомнительно и положение, устанавливающее нижнюю границу численности партии. Как показал опыт последних лет, клиентелы в нашей стране могут привлекать в свои ряды весьма значительное число членов. А уж об иерархических структурах и говорить нечего. Если для кого и будут таким образом созданы неудобства, то лишь для интеллигентских клубов. Но последние и так все последнее десятилетие находятся в состоянии перманентного кризиса и поисков выхода из него. У тех из них, кто окажутся неспособны преодолеть амбиции своих лидеров и вступить в договорные отношения с себе подобными, и без всякого закона не останется никаких электоральных перспектив. Не надо к тому же забывать, что у интеллигентских клубов есть шансы рано или поздно превратиться в представительские организации, тогда как у клиентел и иерархических структур таких шансов нет.

Наконец, введение государственного финансирования партий не стимулирует ничего иного, кроме иждивенческих настроений, способствуя тем самым формированию не представительских союзов, а заурядных клиентел. Какой бы большой ни была сумма, выделяемая партиям, сама перспектива получения «халявных» денег будет магнитом тянуть в политику многочисленных люмпенов. Серьезная представительская организация, опирающаяся на широкие слои населения, вполне может обеспечивать себя сама, не залезая руку в карман налогоплательщика перспектива получения «халявных» денег будет магнитом тянуть в политику многочисленных люмпенов. Серьезная представительская организация, опирающаяся на широкие слои населения, вполне может обеспечивать «богачей», в то время как защитники «бедняков» осама перспектива получения «халявных» денег будет магнитом тянуть в политику многочисленных люмпенов.

Серьезная представительская организация, опирающаяся на широкие слои населения, вполне может обеспечивать «богачей», в то время как защитники «бедняков» о политическим ресурсом – людьми. Даже в богатой Америке значительная, если не основная, нагрузка в ходе избирательных кампаний ложится на так называемых «добровольцев» – тех, кто работает на партию и ее кандидатов абсолютно бесплатно. Если же организация, претендующая на роль защитника «широких народных масс», не способна организовать себе ни финансовой, ни какой-либо другой поддержки, это означает лишь одно – ее претензии основаны на одном лишь горячем желании ее лидеров и активистов прорваться в «большую политику».

Если уж действительно задаться целью избавиться от охотников потешить собственные амбиции за государственный счет, то начать следует с усовершенствования избирательного законодательства – в любой стране контуры партийной системы формируются в конечном счете по итогам выборов. Можно, в частности, ужесточить контроль за оформлением подписных листов, существенно повысить избирательный залог (сделав его сравнимым с затратами на сбор подписей), упразднить регистрацию списков одномандатников на уровне Центризбиркома (если какая-то партия хочет выдвинуть своего кандидата в конкретном округе, пусть это делает ее региональная организация), в конце концов – повысить барьер для прохождения в Думу (и без того, кстати, не самый маленький по мировым меркам). И можно не сомневаться – число желающих вкладывать средства в финансирование Консервативного движения России, Всероссийской политической партии народа и других сразу поубавится.

В конечном счете темпы складывания партийной системы зависят в первую очередь от уровня социальной зрелости общества. Государство может влиять на этот процесс, вводя его в какие-то рамки, внося в него какие-то ограничения. Главное – было бы что ограничивать. Считать, что данный процесс можно подхлестнуть и тем более инициировать, – глубокое со стороны государства заблуждение.

